

ЕЛЕНА КАМБУРОВА:

Культура — 2004. 4-10 марта. — с. 16

Попса лишает человека образного мышления, слуха и зрения

Непреодолимо захотелось начать наш разговор со слов любви и уважения к творчеству Елены КАМБУРОВОЙ, удивления тем, что удастся ей при таком натиске масскультуры сохранять себя ни на кого не похожей, никому не подражающей и не боящейся в своей уникальности остаться непонятой, непонятной. Камбурову я знаю с тех пор, когда она только-только заявила себя певицей (год 1967-й) и заявила, скажем прямо, очень уверенно, если не дерзко — «а я так вижу миссию эстрадного исполнителя, так понимаю содержание, смысл песни». Сейчас уже всем, кто интересуется ее творчеством и судьбой, известно, что поначалу Лена и не собирались быть певицей: ее манила драматическая сцена. С тем приехала из Киева и поступала в Щукинское училище. Осечка на третьем туре конкурса, бесспорно, произошла «на счастье»: она стала Еленой Камбуровой. А это — своя, особая профессия, стиль, манера, это — художник уникального направления, это — Личность в искусстве. С первых же шагов на пути к музыкально-сценическому искусству такие выдающиеся театральные мастера, как Цецилия Мансурова и Фаина Раневская, разгадали в ней дарование, каких, по их словам, не было еще на эстраде. Они, а несколько позже талантливый педагог и эстрадный режиссер Сергей Каштелян, с которым судьба свела Камбурову в Цирковом училище (она поступила сюда взамен Щукинского), очень точно «прочитали» ее жизненный путь.

— Легкой артистической жизнью я похвастаться не могу. Даже по сей день. Почему, не знаю, но я все время оказывалась и оказываюсь не на той дорожке, которая «конкурентоспособна», в русле «моды», имеет громкий успех у публики. Я не ищу иной тропы, кроме сразу выбранной, не пытаюсь изменить сложившуюся ситуацию. У меня все время так получается — и в доперестроечные времена, когда буквально втискивали в жесткие рамки цензуры, а если появлялась короткая пауза, приносившая ощущение приблизительной свободы, то уж в таких мизерных дозах, что не успевала пользоваться ею. Цензура находила поводы и просто загоняла меня в рамки «жизненной правды»: требовала бодрости в исполнительской манере, «светлого колорита», пионерско-комсомольской задорности молодежных песен. Слишком мрачны настроения, пессимистичны, даже трагичны: почти во всех текстах — смерти юных; меня обвиняли в упадочничестве.

— Я всегда удивлялась, какие метаморфозы происходили с оценкой вашего репертуара, направленною творческой манеры: сначала приняли на ура, называли «комсомольской певицей» за исполнение «Гренады», «Орлен-

ка», «Маленького трубача», дали даже Премию комсомола, а потом за эти же песни чуть не отлучили от сцены.

— Не говорите. Вообще, не люблю, когда меня называют «комсомольской певицей». Когда вышла с таким репертуаром, сначала не разобралась, что я исполняю его не так, как привычно: в ином настроении, без рекламной шумихи о смелости нашей молодежи, без хвастовства о героических победах пионеров, юнцов, не страшась смерти. В моем прочтении они — совсем о другом. А потом, когда поняли, уж так клеймили: специальную комиссию создали, представителей Минкульта призвали. Тогда как раз приспели события в Чехословакии и известный в ту пору исполнитель русских песен Иван Суржиков очень пытался подвести идеологическую базу. Я до сих пор отчетливо помню его речь: «Вот так и в Чехословакии начиналось. Молодежь пела свои песни. И видите, чем это закончилось!» Взывал к чистоте патристических чувств, а сам при первой же возможности предпочел удалиться из России в зарубежные дали. Да что вспоминать прошлое! А вернуться к исполнению тех песен хочу, хотя бы к той же «Гренаде».

— Она всегда считалась комсо-

Е. Камбунова

мольским хитом, а сколько в ней поэтичности, философской мудрости, сценической выразительности. Не менее удивляют и абсолютно исключают друг друга суждения о нашем личном творчестве и направленности руководимого театра. Чего только не услышишь: в представлении одних вы — элитная певица, для элитной публики; репертуар слишком трудный, доступный лишь из-

бранным. В представлении других — такое искусство адресовано и необходимо буквально всем, ибо нет средств вокальной и сценической выразительности, которые бы оказались не по зубам самой и всем, кто с вами в коллективе; потому что все, чему вы посвящали себя, талантливо, высокопрофессионально и отмечено подлинной духовностью. Наверное, точнее всего распознала

особенности вашего творческого мира, человеческой природы Фаина Раневская, произнесла при знакомстве одну фразу, положившую «фундамент» трогательных взаимоотношений до конца ее дней — «Как хорошо, что вы не фифа!» — этим определилось все.

— Раневская одарила меня счастьем общения с ней. Я верю в чудеса и думаю, что главным чудом моей жизни был момент, когда, находясь на гастролях в Ленинграде, Фаина Григорьевна включила радио в тот самый момент, когда я читала в передаче горьковскую «Нунчу»...

— Возможно, я ошибаюсь, но мне кажется, что добрым гением должен был стать в вашей жизни тонкой души человек, талантливый, изобретательный режиссер и педагог, великолепный знаток эстрадного жанра Сергей Андреевич Каштелян.

— О, еще бы! Он мне многое открыл в профессии. Прежде всего поэзию, точнее, музыкально-поэтический дар Новеллы Матвеевой. Принес мне ее сочинения, распахнул их щедроты, их потрясающую глубину, красоту, жизненные силы. И в дальнейшем имел мужество отстаивать мое право петь эти песни перед разными комиссиями, начальниками концертной жизни и цензурой, как, впрочем, и песни Булата Окуджавы, Юлия Кима, поэзию Мандельштама, Пастернака и других, называвшихся авторами «песенки о чем». Их запрещали, старательно изымали из молодежного обихода... Честно сказать, «тихого упрямства» в моем характере хватало еще с детства, и я не очень покорно подчинялась тому, что пытались мне навязать. А уж теперь и вовсе не подчиняюсь тому, с чем не согласна. Не люблю с детства насилия, не люблю шумиху, всегда была аллергия на массовость, вот и осталась, оформившись именно камерная певица — это моя принадлежность, мой жанр. Для меня максимальная аудитория — 1200 слушателей, больше не надо. И пока я всегда только то, что мне близко, что люблю, со своим осмыслением, пониманием, пою драматургию песни, если можно так сказать.

— В моем восприятии каждая ваша песня — маленький спектакль или монолог; размышление наедине с собой о вечном, о личном, о самой себе. Поэтому все индивидуальное, собственное. Вы идете

своим путем, не споря, а будто не замечая окружающих. Отсюда — и стена, отделяющая от установленного, официально принятого, что делают все; того, что в давнюю пору получало разрешение цензуры. Теперь никто ничего не запрещает, полнейшая свобода.

— Полнейшая. Только не свобода, а вседозволенность. Разгул. В подобной «свободе» мне видится страшная, варварская, разрушительная сила, куда более уничтожительная, чем бывшие цензурные запреты и изъятия. Ведь все подкреплено деньгами, коммерцией. Куда надежнее? Я знаю, что есть огромная аудитория, которая хотела бы слушать меня, моих коллег по театру, смотреть наши концертные программы, спектакли, но не может этого делать. Театр у нас есть, свой собственный, самостоятельный и камерный. Пока зал вмещает 80 зрителей, в недалеком будущем завершится реконструкция второго зала, прибавится помещение еще на 150 мест. Прекрасно, но что это при наших планах и задумках. Радио и телевидение появляются в микроскопических дозах. Так что молодежь вынуждена постоянно вращаться в коммерческом колесе и подчиняться варварскому диктату поппсы. Я только сейчас поняла, как мне когда-то повезло, случайно повезло: 10 песен Новеллы Матвеевой в моем исполнении записала радиостанция «Юность». А тогда эту станцию слушали буквально все, и у меня сразу сложилась своя аудитория. Не так долго эти песни звучали в эфире. «Оттепель» кончилась. Ну а что делать теперь, и объяснить не надо.

Мне не следовало бы об этом сейчас говорить: у нас прелестный маленький театр, нас поддерживает Московское правительство, мини-труппа у нас очень квалифицированная, начиная с профессионального директора (в недавнем прошлом актера), десять прекрасных вокалистов (настоящих камерных певцов), отличные хормейстеры, группа музыкантов-инструменталистов, среди которых особенно хочется отметить талантливейшего Олега Синкина, а также Александра Марченко и Вячеслава Голикова. Одним словом, у нас все хорошо, если бы не... Все та же зрительская проблема. Нам вовсе не надо кому-то доказывать и повторять, что зрителей у нас своих (думающих, понимающих) немало.

Наш театр сегодня — это появление в России традиции петь и слушать песни, в основе которых — стихи, окрыленные музыкой, их актерское проживание, душевное напряжение зрительного зала. Песня — это образ, и мне часто кажется, что я его не полностью раскрыла, не допела, не доиграла, не дописала. Песня формирует меня, воспитывает, а я воспитываю своих слушателей, их души, их мысли. Вот почему мне сегодня так страшна поппса. Я говорю с полнейшей убежденностью, потому что очень много думала и думаю, анализирую, пытаюсь доискаться до корней. Это явление существует не само по себе; оно влияет на все общество, уничтожая в человеке самое ценное, лишая его образного мышления, слуха и зрения на самые важные проблемы нашей жизни. Когда отмечали на Манежной площади пушкинский юбилей, я прослушала всю концертную программу, прослушала и посмотрела без преувеличения со слезами на глазах: было так больно, обидно за Пушкина, за всю русскую культуру. Будто налетели стаи саранчи и уничтожили все, что взращивалось многими и многими поколениями.

— Наверное, ваши обязанности художественного руководителя театра сейчас исполнять особенно трудно?

— Наверное. По многим причинам, не только потому, что постоянно надо заботиться о собственном творчестве и одновременно о творчестве всей нашей труппы, учитывая возможности и особенности жизни коллектива. Очень трудно не потерять ориентиры, не сбиться с избранного пути — слишком упорно довлеют силы невежества. Порой мне начинает казаться, что в воздухе носятся открытые лозунги «вперед, к языку Элло-людодеки!». Правда, иногда кто-то пытается убедить меня, что поппсе приходит конец, что надоела она. Однако я этого не вижу и не слышу, я nataлкиваюсь на нее повседневно, везде — в машине, в метро, в магазине.

— Зато в вашем театре полное отдохновение от нее — словно в другом свете побывал — очистился, отмылся, другим воздухом подышал. Спасибо!

Беседу вела
Мариам ИГНАТЬЕВА